

Время ужина. Перед Аой стояло роскошное угощение — японские шашлыки. Она явно любила субпродукты, особенно предпочитая прожарку с кровью. Хисако наполнила её бокал: саке прекрасно нейтрализовало жирность мяса, превращая трапезу в истинное наслаждение.

Впрочем, на её аппетит это никак не влияло — ведь у нынешнего главы семьи Питлер все зубы уже отросли заново. А у меня нет. Ни капли.

На ужин всем подали японские изыски. Уэнсдэй, наша собачка, впервые попробовала сашими и пришла в полный восток от упругой текстуры сырой рыбы. Келли тоже осталась очень довольна своим гамбургером: котлета оказалась нежной и сочной, а сладковатый соус идеально подходил к риску. Все были счастливы.

Кроме меня.

Если сосчитать с момента моего перерождения, у меня выросло всего три зуба, и к каждому из них я привязалась всей душой. Игнорируя свою жидкую рисовую кашу на ямсе, я уставилась на Аой самым жгучим взглядом, каким только могла. Я желала, чтобы кусок застрял у неё в горле! Ощувив, должно быть, угрызения совести, Аой слегка задрожала рукой с бокалом.

— Я всё тебе компенсирую, — с совершенно серьезным лицом произнесла она.

Хм, только бесчувственные стервы так и говорят. Я просто приоткрыла рот: внутри осталось всего два зуба, так что все претензии можешь предъявлять остальным членам пострадавшей семьи. Когда-то они были счастливой тройкой, а теперь — горе родителям, хоронящим детей. Столкнувшись с моим молчаливым и суровым осуждением, Аой долго и озабоченно размышляла.

— Теперь я понимаю: тот зуб был для тебя очень дорог. Мне не стоило вырывать его самовольно, это моя вина.

О? Признание ошибок — это как минимум начало. Скрестив руки на груди, я прислушалась, приняв вид недовольного заказчика.

Немного нервничая и действуя с осторожностью, Аой продолжила:

— Как насчет такого: в качестве компенсации я поделюсь с тобой своим главным сокровищем?

— Глава? — Хисако выглядела удивленной.

Услышав про сокровище, мои глаза мгновенно превратились в значки доллара. Интересно, под этим самым сокровищем подразумеваются бриллианты с золотом? Пожалуйста, обязательно покажите мне их во всей красе.

К месту хранения сокровищ отнеслись со всей серьезностью: Келли и Уэнсдэй вход был заказан. Мы вдвоем остановились перед дверью во флигель, и Аой завязала на моем запястье белый браслет. Верёвочка была сплетена из нескольких тонких белых нитей, напоминая те узлы, что часто можно увидеть в японских святилищах.

— На этой комнате мощный барьер, и если у тебя не будет этого... — Аой замялась, но договаривать не стала. — Короче говоря, без браслета ни в коем случае не заходи сюда. Сначала найди меня, чтобы я повязала новый, поняла?

Я послушно кивнула. Ну что, можно меня уже впустить? Хочу наконец испытать чувство, когда тебя ослепляет блеск роскоши. Как только Аой отперла дверь, в нос ударил особый аромат. Принюхавшись к источнику, я поняла, что это запах типографской краски и бумаги — проще говоря, книжный аромат.

Аромат стоял настолько густой, потому что книгами были заставлены абсолютно все стены. Деревянные стеллажи уходили рядами до самого потолка, а чтобы достать книги повыше, имелись даже перила, ведущие на второй этаж. Это была гигантская библиотека из иного мира.

— Это мой кабинет. Все эти книги — мои самые дорогие сокровища, и уж точно ни у кого нет коллекции больше моей, — Аой выглядела гордой богатежкой.

— Глава, ну какие девочки, а тем более дети, могут любить эти толстые и тяжелые фолианты? Вам бы предложить ей что-нибудь новенькое или просто выдать драгоценных камней, разве у нас дома их мало?

— Что хорошего в этих блестящих булыжниках?

Глядя на эту заумную главу, чей ум оказался тверже любого камня, неудивительно, что она никак не может найти себе пару. Хисако лишь беспомощно вздохнула: её хозяйка, в конце концов, гордость семьи Руберто, как она вообще может зариться на такие книги?

— Ия!

Увидев нас, я с криком рванула вперед и сперва бросилась на стопку книг. Оказалось, что переплет у них металлический, страницы слишком тяжелые, и открыть их я не смогла. Тогда я попыталась встать на цыпочки, но всё равно не достала до полок — планировка этого места была абсолютно недружелюбна к детям!

— Не спеши, эти книги тебе больше подойдут.

Взяв из рук Аой нормальную книгу, я с нетерпением открыла её. В этом мире обитали демоны, кошачьи духи и кентавры — слишком многое мне требовалось узнать, слишком многое нужно

было постичь. Однако, раскрыв страницы, я обнаружила лишь полчища нарисованных муравьев. Вместе они ничего не значили, по отдельности — тем более.

В смысле? Я могу свободно понимать всё, что говорят окружающие, но не способна прочесть письма?

— Кажется, ты не умеешь читать. Что ж, я немного тебя поучу, а за учебу возьму плату с твоей матери.

Заметив моё горестное выражение лица и то, как у меня от расстройства вытянулась физиономия, Аой с улыбкой погладила меня по голове. По сравнению с прежней отчужденностью, теперь она выглядела куда более доброжелательной.

Спустя некоторое время я осознала, что знания в этом мире невероятно ценны — пожалуй, даже дороже воды. То, что Аой позволяла мне беспрепятственно читать в своем кабинете, на самом деле было огромной щедростью.

Когда у неё появлялось свободное время, она учила меня читать и писать, но большую часть времени всё же проводила за исследованиями и экспериментами. На данный момент главной её задачей было регулирование моего рациона, и время от времени она поила меня отварами для улучшения аппетита и усвоения пищи. Каждый раз, принимая лекарство, я донимала её просьбами выучить со мной ещё несколько иероглифов.

Сегодня был день планового осмотра. Шагая по коридору вместе со своими маленькими друзьями, я встретила нескольких девушек в кимоно с золотыми волосами — судя по всему, Аой питала слабость к блондинкам, и все слуги здесь подбирались исключительно из светловолосых женщин.

Мы обменялись с ними вежливыми кивками и приветствиями. Во время лечения в стационаре я вела себя очень воспитанно. Добравшись до лаборатории, мы застали Аой, с головой погруженную в работу.

— Мелюзга пришла. Как самочувствие сегодня?

Стоило ей поднять голову и заговорить, как в пробирке в её руке началась бурная реакция. Сначала на поверхности воды забурлили пузырьки, а затем распустился синий цветок, росший в сосуде. Его лепестки были четко разделены по слоям — необычайно яркий и красивый цветок.

Вот только цветение продлилось недолго: когда Аой обернулась, бутон уже увял, превратившись в серые крошки на дне. Всё произошло настолько быстро, что мы даже растерялись.

— Ого, неужели это редкий водный цветок? — с удивлением произнесла Келли.

— Боже мой, я ждала его три дня, и всё пропустила, даже не застала момент цветения, — Аой с досадой тяжело вздохнула, но, заметив меня рядом, смягчилась: — Это моя вина, не уследила за экспериментом, придется нести ответственность. Ладно, давай начнем сегодняшний осмотр.

Хотя она изо всех сил старалась не подать виду, в её поведении сквозило легкое уныние. Я молча взяла со стола бумагу и карандаш: сначала получалось немного неуверенно, но, повторив штрихи пару раз, я постепенно вернула прежнюю сноровку.

В моем распоряжении был лишь простой угольный карандаш. Желая как можно точнее передать тот самый мимолетный миг цветения, я выразила игру света и тени с помощью наслоений и линий. Пусть детали вышли неидеальными, сходство достигалось процентов на семьдесят-восемьдесят.

— Ия. — Я подправила последние штрихи на готовом рисунке и протянула его потерявшей дар речи Аой.

Не стоит благодарить — в конце концов, я отрабатываю свои трёхразовые приемы пищи и перекусы, так что бери, сгодится. Аой простояла в полном оцепенении несколько секунд, прежде чем прийти в себя и внимательно всмотреться в рисунок. Вопросов на её лице читалось множество, но вслух она задала совсем другое:

— Ты действительно из семьи Руберто? — словно не желая верить, переспросила она. — Разве Руберто не умеют обращаться только с клинками и воевать?

Это уже какая-то дискриминация. Разве у представителей семьи Руберто не может быть тяги к искусству?

— Погодите-ка, неужели я ошиблась? Или мои очки барахлят?

Сняв очки, Аой тщательно их осмотрела, но не обнаружила никаких неполадок. Водрузив их обратно на нос, она перевела взгляд на Уэнсдэй.

— Помесь гончей, совы и аллигатора, плюс капля примеси тролля. Преобладает собачья кровь, в целом не так уж плохо. Обычно псовые отличаются преданностью, но примесь чужеродной крови может повлиять на стабильность.

Закончив с анализом родословной Уэнсдэй, Аой перевела взгляд на Келли, и линзы её очков блеснули бликом.

— Я всего лишь простой человек, — с улыбкой подчеркнула Келли. Аой внимательно оглядела её, кивнула в знак согласия и наконец устала на меня.

— Хотя ты еще слишком мала и кое-что разглядеть пока невозможно, ты действительно чистокровный Руберто.

Разумеется, я ребенок своей мамы! Я недовольно уперла руки в боки — неужели она думала, что меня подбросили?

— Кажется, я начинаю понимать одержимость твоей матери. Ты и правда особенная. Всегда преподносишь сюрпризы, удивительная малышка, — Аой внезапно подалась вперед, так близко, что я ощутила тепло её дыхания. — От тебя к тому же исходит такой приятный запах. От него просто невозможно оторваться.

— И даже кажется, что после долгого вдоха ты на вкус... мм, довольно аппетитная.

Словно желая подтвердить собственные слова, Аой легко прикусила меня за щеку. Безболезненно, но от испуга я завопила во весь голос, поспешно оттолкнула её лицо ручонками и бросилась искать защиты в объятиях Келли. Глядя на меня, дрожащую словно испуганный котенок, Аой заливисто рассмеялась.

— Ха-ха-ха, ты слишком тощая, по-настоящему есть тебя я, конечно же, не стану.

Погодите-ка! То есть, если я наем щеки, ты меня всё-таки съешь?! Кто-нибудь, вызовите полицию!

<http://bllate.org/book/22271/2331696>